

Рец.:

Робер Сабатье. Африканский китаец
Sabatier, Robert. Le Chinois d'Afrique.
Paris: A. Michel, 1966. – 348 p.

«Африканский китаец» - прозвище, полученное в детстве героем романа Робера Сабатье от своих врагов, уличных мальчишек. После жестокой и неравной схватки мальчишки кричат хором над избитым героем: Африканский китаец! Африканский китаец!... Что собственно означают эти слова, ни герою, ни его врагам неясно, однако, неслучайно впоследствии Тома Пезнер вспоминает эту сцену: да, он «африканский китаец», белая ворона, чужак, человек, не находящий себе места в жизни, или вернее, не контактирующий с жизнью.

Причины? - их несколько. Во-первых, «выкорчеванность». Не надо удивляться: эта Барресовская тема вновь возродилась к жизни в 1966 году. Тома Пезнер - в полном смысле слова человек без родины, без национальности, даже без имени, ибо «Тома Пезнер» - это псевдоним, который берет себе граф, сын эмигрировавшей русской княгини. Отец Тома умирает в его раннем детстве, незадолго до второй мировой войны, и юность героя проходит в бесконечных переездах с матерью из страны в страну, из одного паласа в другой. Княгиня не может долго жить на одном месте после того, как она была подвергнута унижительному наказанию при освобождении Парижа от немцев. Во время оккупации княгиню в ее особняке часто навещал офицер германской армии, соседи считали, что он пользуется ее благосклонностью, и вот теперь, после освобождения, самочинный отряд из трех человек творит суд: княгиню обривают наголо, расписывают голову свастиками, насиляют, а затем проводят по улицам Парижа в процессии других «шлюх-коллаборационисток». Правда, скоро выясняется, что офицер был родственником княгини, участвовал в заговоре против Гитлера, что сама княгиня прятала евреев; ее освобождают и даже выдают диплом за услуги, оказанные Сопротивлению, но она разрывает его и говорит сыну, что поступки представителей их рода не нуждаются ни в чем одобрении. После этого начинаются скитания, но души как матери, так и сына травмированы. В особенности для Тома эта детская травма становится одной из причин его своеобразной отчужденности от действительности.

Обо всем этом, равно как о неудачном браке героя с знатной марокканкой Хадижа́, читатель узнает из тех наплывов воспоминаний, которые преследуют Тома Пезнера и введением которых автор стремится придать своему роману «современный» вид. Однако эта «современность» носит несколько нарочитый характер, вообще известная надуманность свойственна всей книге Сабатье в целом. Автор - не новичок в литературе, он довольно уверенно владеет пером, видно, что он хорошо знает тот общественный тип, который он взял своим героем, ту среду, из которой тот произошел. Но, видимо, он предпочитает, чтобы, говоря о его произведении, оперировали такими понятиями, как комплексы, отчуждение, поток сознания и т.п. И он усердно насыщает свой роман соответствующим материалом. Следы каких только поветрий не отпечатались на книге! Тут и Пруст (поток сознания, описание пробуждения в незнакомой комнате), и Фрейд (влечение к матери), и Сартр (отчуждение), и даже ветхий Баррес. Причем все дано в умеренных, светских дозах, способных вызвать интерес читателя, но отнюдь не взволновать его, заставить взглянуть на мир по-новому. Разумеется, затронуты и проблемы пола - нимфомания (американка Урсула), гомосексуализм (певец Ален-Жак).

Новизны - вот чего, прежде всего, несмотря на все модничанье, не хватает роману Сабатье. Все это, как говорится, было, было, было... И, прежде всего, герой. Прочитав с полсотни страниц, мы сразу угадываем его литературный прототип - это Антуан Рокантен из «Тошноты» Сартра. Та же разобщенность с миром, та же

таинственная несчастная любовь в прошлом, та же безвыходность впереди. И, вместе с тем, какое измельчание! То, что героем Сартра ощущалось как трагическая абсурдность мира, как смертельная тоска, выглядывающая изо всех углов, у Сабатье оборачивается просто личной неустроенностью героя, которая несмотря на все усилия автора, явно не вырастает до значения общечеловеческого опыта.

Что же происходит с бывшим графом, скрывшимся за именем Тома Пезнер? Действие романа начинается с того, как он после долгого, по-видимому, отсутствия появляется вновь в Париже. Мать Тома вышла замуж за миллиардера и живет далеко в Бразилии. Средства его на исходе, и он поселяется во второразрядной гостинице, где происходит встреча, призванная, по мнению автора, обозначить этап в жизни героя. К нему в номер заходит Симон Кюртин, постоялец с верхнего этажа, преподаватель какого-то заочного учебного заведения. Это неопрятный, циничный, злословящий субъект, невыносимый позер, несмотря на все выказываемое им презрение к миру. Что-то необъяснимое влечет Тома Пезнера к Кюртину, они продолжают встречаться и после того, как Пезнер переселяется в роскошный отель. Собственно там-то и обступают его воспоминания о прошлом, потому что нет почти ни одного номера в палате, в котором он не жил бы раньше. Пезнер вступает в связь со слепой красавицей американкой Урсулой, одержимой болезненной чувственностью. Происходит встреча героя с другом его детства Аленом-Жаком, который признается ему в любви, но Пезнер не может разделить его гомосексуального влечения. Надо чем-то жить, и Пезнер по протекции своего двоюродного деда, некогда офицера царской, а затем генерала французской армии, возглавляет «службу культуры» на сталелитейном заводе некоего Болье. Эта служба придумана Болье, чтобы пускать пыль в глаза именитым посетителям, прослыть просвещенным хозяином. (Фигуры Болье, сослуживца Пезнера Маршана, старого генерала - дают повод и для социальной сатиры - и это вместил в себя, все в тех же умеренных дозах, роман Сабатье). За океаном умирает мать Тома, он вылетает на похороны, получив от патрона ряд деловых поручений в Бразилии. Пезнер блестяще справляется с ними, по возвращении в Париж оставляет фиктивную «службу культуры» и становится правой рукой Болье. В Париже он же решает застрелить Кюртина, так как во время похорон матери произвольно вспомнил, что именно этот человек совершил над ней позорный обряд. Однако, придя к Кюртину, он не приводит своего замысла в исполнение, а тот, узнав о нем, призывает Пезнера «убить Кюртина в себе».

Что значит «убить Кюртина в себе»? Это значит убить собственную сосредоточенность на прошлом, которая мешает жить и действовать в настоящем. У Кюртина, как и у Пезнера, в прошлом была травма, выключавшая его из действительности. Единственная попытка найти контакт с миром, «смешаться с толпой» привела Кюртина к преступлению: желая отомстить коллаборационистам (в свое время его потрясла массовая депортация евреев из Парижа), он надругался над невиновной женщиной.

Пезнер расстается с Кюртином, они прощаются навсегда. Но преодолит ли герой свое прошлое? Единственное, что помогло бы ему в этом, возвращение Хадижа, на которое он надеется, не происходит. В заключительных строках автор считает нужным сообщить читателю, чтобы он не обманывался на счет уверенности в себе и самообладания Тома Пезнера, если встретит его в обществе: светские манеры скрывают внутреннее страдание.

Что сказать еще о новой книге Сабатье? Ее можно было бы назвать, следуя некогда принятым определениям, «хорошо сделанным романом», если бы не изрядные длины «наплывов», некоторая назидательность и злоупотребление эпиграфами, которыми роман обвешан как генерал орденами.